

ВСТРЕЧА С МОСКОВСКИМ ЧИТАТЕЛЕМ

Насколько я тогда знал, поэт со странной фамилией Мурзиди не был под покровительством Ее Высочества Славы. Долгое время жил на Урале, затем переехал в Москву. Живо интересовался творчеством поэтов, живущих в «глубинке».

По его инициативе довелось в одном из московских клубов выступать со своими стихами кировчанам и горьковчанам. Среди них в столицу был приглашен и рабочий Сормовского завода Александр Люкин.

У Люкина, кроме десятка небольших, как правило, восьмистрочных стихов, опубликованных в областной молодежной газете «Ленинская смена», да большой рукописи с такими же короткими стихами, в то время больше ничего не было. Но автор этих стихов хватил войны, а после демобилизации свыше двадцати лет дышал воздухом рабочего Сормова.

Конечно, как и всякий автор, поэт-рабочий мечтал о своем сборнике стихов, пусть небольшим.

В нашем городе он был, конечно, замечен и, как сейчас сказали бы, зачислен в литературный актив. Но столица... Все-таки. Приехав вместе с другими горьковскими поэтами в Москву, он выступает перед москвичами.

Читал Александр Люкин медленно.

Произнес несколько строк, поглядел со сцены в зал и, вероятно, подумал:

— Пропал!

Уж очень тихо вела себя публика, да и на сцене в президиуме тоже все насторожилось, даже перешептываться перестали, хоть бы кашлянул кто-нибудь, что ли.

Вдруг — взрыв аплодисментов, затем просьба к автору читать еще и еще.

Борис ШУМИЛОВ

ЧЕСТНЫЙ ХЛЕБ

(Воспоминания о поэте Александре ЛЮКИНЕ)

«Весь вечер поэзии — как в тумане», — растерянно рассказывал потом друзьям поэт — сормович, прибавляя, что не перехвалили бы, чего доброго.

Не случайной была тогда улыбка человека, сидевшего в первом ряду, такая добрая и счастливая. Это и был Мурзиди. Он хлопал в ладоши после каждого нового стиха Люкина, радовался, блестя глазами.

Первый литературный вечер с участием сормовского поэта имел успех. Как много у него их будет в дальнейшем!

Запомнились слова Мурзиди: «Нашего полку прибыло».

Московский читатель, искушенный в стихах, тепло встретил новое имя и не ошибся, как показало дальнейшее творчество поэта. Он вернулся домой, вскоре у него вышла своя книга стихов, за которую его единогласно приняли в члены Союза писателей. Тогда же и был направлен Люкин набираться «ума-разума» на двухгодичные Высшие литературные курсы.

Это очень ему помогло. В Москве и Горьком стали выходить его книги.

А тогда, после чтения, к нему первый подошел Константин Мурзиди, праздничный, — казалось, что это на его долю выпал добрый успех у москвичей. Конечно, и на его долю тоже. Ведь как-никак Мурзиди считал своей литературной родиной рабочий Урал. Рабочую косточку — вот что он увидел в поэте из Сормова.

Не так уж легко писать стихи не просто о рабочем человеке, а для рабочего человека.

После Александр Люкин рассказывал:

— А знаешь, чему еще радовался Мурзиди? Тому, что читал я понижегородски. Окая. Когда я ему сказал, что по-другому не умею, он сразу откликнулся:

— И не учись. Твои стихи обойдутся без этого.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ШЕСТЕРИКОВА

Поэт Михаил Васильевич Шестериков был известен еще до войны. По крайней мере в волжских писательских кругах. Мы, младшее поколение, знали, что он был дружен с известным советским писателем Владимиром Луговским. Ну, а с видным критиком и литературоведом Борисом Рюриковым, жившим давно уже в Москве, Шестерикову быть другом сам бог велел — Рюриков был коренным нижегородцем, вместе начинали литературный путь.

Михаил Васильевич Шестериков всю свою жизнь, как известно, прожил в нашей области, уезжать никогда и нигде не собирался. Его имя в городе произносили с уважением наравне с именами известных наших писателей Николая Ивановича Кочина и Александра Ивановича Патреева.

Много помогал Шестериков молодым литераторам. Достаточно сказать, что один из самых первых коллективных сборников молодых поэтов нашей области «Пусть поют соловьи», а в нем представлено свыше 30 поэтов, был выпущен благодаря упорной шефской, редакторской работе Шестерикова.

А мне вспоминается одна встреча Михаила Васильевича с приехавшим уже из Москвы после учебы Александром Люкиным.

— Чего это ты, Саша (нарочито флегматически), — спрашивает Шестериков его, — ставишь то и дело слово отдельной строчкой? Ради денег, что ли, или у Маяковского подглядел? Но ведь он это делал, создавая свою интонацию, да и стихи ориентировал для чтения на слух, как бы подсказывая исполнителям, как надо читать. А ты поэт другой жилки.

Люкин даже растерялся, потому что знал за собой этот грех:

— Да я так, да что мне Маяковский...

И тут уж Шестериков вскипел:

— Учиться надо, молодые люди, у Маяковского, у него есть чему поучиться!

Молодые люди, которым было уже за сорок, я и Люкин, без слов пошли по домам. Тут Люкин, еще не придя в себя, решил выговориться: «И всегда вот он, Шестериков, так редактирует, а то еще вот как: принесешь ему стихотворение, напишешь много, а досокращаешься до двенадцати строчек. А он, Шестериков, читает-читает, да и хлесть наискосок красным карандашом еще одну, предпоследнюю строфу. И остается от сорока строк только восемь, а ведь три дня мучился...»

Шли мы дальше молча, думая каждый о своем.

А Люкин все-таки не сдержался: «Ведь какой он вредный лютик, Михаил Васильевич».

Через час опяха о том же:

— И все же ничего не поделаешь — эти стихи, которые у меня резал Шестериков, эти самые, короткие — больше всех понравились Светлову. Вот ведь что. Обидно, конечно, пишешь-пишешь, а тут тебе Шестериков крест-накрест всю середину красным карандашом перепишет... Но, пожалуй, и сейчас я не против его редактирования, пусть ругает, я ведь тоже огрызнусь, если погладят меня против шерсти.

Сейчас уже нет с нами поэта Александра Люкина, остались после него им написанные стихи, собранные в книги, да есть в рабочем поселке Княгинине улица имени Люкина.

Нет в живых и его старшего товарища, одного из его первых редакторов, его наставника — известного поэта Михаила Шестерикова.

ВТОРОЙ ТАЛАНТ

Его стихи редко кого оставляют равнодушными. Хочется рассказать, как он читал их сам. Как умел подать их.

Во время выступления у него открывался, как бы точнее выразиться, второй талант, дополняющий его поэтическое дарование.

НА СНИМКЕ: А. ЛЮКИН.

(Продолжение следует).